

ИНТЕРТЕКСТОВЫЕ СВЯЗИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. С. ЛЕСКОВА С РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

THE INTERTEXTUAL CONNECTIONS OF N. S. LESKOV'S WORKS AND RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

M. Liapidovskaya

Summary. The article focuses on the intertextual connections of N. S. Leskov's works and Russian classical texts. The notion of intertextual derivation is introduced, that is the process of formation of intertextual units and the result of this process, which happen when the one-word and bigger units of pretext (quotations) are transferred to the quoting text. Various functions of intertextual units are described, as well as the mechanism of inclusion and activation of intertextual units in Leskov's texts.

Keywords: N. S. Leskov, intertextual derivation, intertextual inclusion, intertextual unit, quotation.

Ляпидовская Марина Евгеньевна

К.филол.н., доцент, Российский государственный
гидрометеорологический университет, (Санкт-
Петербург)
neforis@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются интертекстовые связи произведений Н. С. Лескова с произведениями русской словесной культуры. Вводится понятие интертекстовая деривация, под которой понимается процесс и результат образования интертекстовых единиц, в результате перенесения сверхсловных и однословных единиц претекста (цитат) в цитирующий текст. Описаны различные функции интертекстовых единиц, а также механизм их включения и активации в тексты Лескова.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, интертекстовая деривация, интертекстовое включение, интертекстовая единица, цитата.

Изучение интертекстовых связей в творчестве Н. С. Лескова показывает, насколько значимыми для писателя были произведения русской словесной культуры. Творчество писателей-классиков (А. С. Пушкина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, К. Н. Батюшкова) постоянно занимало писательское сознание Н. С. Лескова, было у него «на слуху». Не случайно большая часть цитат, к которым обращается Лесков, восходит к произведениям русской классической литературы. Не только культура, но и предыдущая литература дает Лескову-писателю «уже «готовый материал», который способен к тому же сразу обеспечить» читателю (реципиенту) «образное понимание смысла без сложного декодирования большого текстового фрагмента» [2, с. 14].

Дословный или нет подхват языковых выражений (цитат) и создает взаимопересечение текстов Лескова с предшествующими текстами. Подобные интертекстовые связи реализуются посредством интертекстовых единиц, исходных выражений из других текстов, включенных полностью или частично (иногда в трансформированном виде) в содержательную структуру нового текста, где происходит их семантическое, структурное и структурно-семантическое варьирование. В данной статье под термином интертекстовая единица понимается определенный цитатный материал, сохраняющий связи с текстом первоисточником, соотносимый с соответствующим дискурсом (знаковой ситуацией, событием, историческим контекстом), который становится толчком для перехода единицы из претекста в новый текст.

Многозначность интертекстовой единицы объясняется тем, что она может сохранять связь с историческим контекстом, событием, с бытовым происшествием, частной жизнью, курьёзами и с самим литературным произведением, откуда она перешла в «чужой» текст. Интертекстовая единица как синоним цитаты обязательно маркирована авторством, она может иметь общеязыковой статус, но может быть и речевой единицей, когда возможно единичное употребление оборота в конкретном коммуникативном акте (здесь контексте).

Взаимодействие между исходным и вторичным (новым) текстом «соответствует деривационным отношениям, понимаемым, как отношения между исходным и производным знаками» [4, с. 26], иными словами, соответствует типам отношений между языковыми единицами. Не случайно важными для теории интертекста становятся такие понятия, как интертекстовая динамика / статика (К. П. Сидоренко), интертекстовая деривация (Е. В. Кузьмицкая), интертекстуальная деривация (М. А. Фокина). В исследованиях К. П. Сидоренко интертекстовый (цитатный) материал рассматривается в интертекстовой динамике, с учетом того, что изменяемость единицы, то есть её деривация, ассоциативность, инвариантность, является «условием существования интертекстового материала как интертекстовой структуры, то есть претекста и интекста, связанных оппозитивными отношениями через интертекстовый шаг» [15, с. 295]. В свою очередь интертекстовая статика предполагает «рассмотрение интертекстового (цитатного) материала

как индекса (антологии) «канонических» единиц» [14, с. 13]. Е.В. Кузьмицкая рассматривает «интертекстовую деривацию» как «процесс образования интертекстовых единиц, сопровождающийся семантическими и формальными трансформациями в результате их «движения» из претекста в новый текст» [5, с. 11]. М.А. Фокина под термином интертекстуальная деривация понимает трансформацию устойчивых оборотов, крылатых выражений «в результате текстовых модификаций» [17, с. 315], на базе которых образуются собственно авторские фразеологизмы.

В данной работе интертекстовая деривация рассматривается как процесс и результат образования любых интертекстовых единиц в результате включения сверхсловных и однословных единиц претекста (цитат) в новый (цитирующий) текст, в котором данные единицы подвергаются смысловым и формальным трансформациям. В результате такого перехода преобразуются функции исходной единицы, что приводит к морфологическим, лексическим, синтаксическим трансформациям данной единицы, а также к изменению её значения.

С точки зрения лингвистики текста, интересен способ включения интертекстовой единицы в смысловую структуру цитирующего текста, механизм активации «памяти» читателя и запаса его знаний, функции интертекстовых единиц в цитирующем тексте, а также роль интертекстовых единиц в формировании идиостиля писателя. У Лескова довольно часто встречается свободное цитирование, когда исходный фрагмент стихотворного текста трансформируется, входя во вторичный текст с изменениями и нарушениями. Так, в романе «Некуда» Лесков цитирует личное признание Н.А. Некрасова из стихотворения «Родина»: *«Где от души моей, доверменно растленной, / Так рано отлетел покой благословенный»* [12, с. 45]. У Лескова происходит лексическая замена, меняется носитель названного признака («души растленной» — «людей растленных»), что приводит к грамматическим и лексическим трансформациям цитаты: *«Вспомните это недавно прошедшее время, когда небольшая горсть «людей, доверменно растленных», проснулась, задумалась и зашаталась в своем гражданском малолетстве»* (Н.С. Лесков. Некуда) [13]. Подобные структурно-семантические трансформации интертекстовой единицы могут лежать также и в основе словесной игры с образом. *«Да, мы народ не лиходеинный, но добрый,— размышлял старик ... Однако же этот покой был обманчив: под тихой поверхностью воды, на дне, дремал крокодил»* (Н.С. Лесков. Соборяне) [7, с. 136]. Ср.: фрагмент из стихотворения К. Батюшкова: *«Сердце наше — кладезь мрачный: / Тих, покоем сверху вид, / Но спустись ко дну ... ужасно! / Крокодил на нем лежит!»* (К.Н. Батюшков. Счастливцев) [13]. В данном случае интертекстовая единица не марки-

руется кавычками, в результате чего неподготовленному читателю становится труднее распознать и идентифицировать интертекстовое включение. Интересно, что образ крокодила позднее появляется и в рассказе А.П. Чехова «Медведь»: *«Посмотришь на иное поэтическое содание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу — обыкновенный крокодил!»* (А.П. Чехов. Медведь) [13].

Мотивы интертекстовых включений могут быть различны. Чаще всего у Лескова включение интертекстовой единицы актуализировано необходимостью выразить оценочно-ироническое отношение к описываемому персонажу. *«Он не дал первого, обычного приветствия хозяйке, но проходил, пожимаая руки всем по ряду и не смотря на тех, кого достаивал своего рукопожатия. К маркизе он тоже отнесся с рядовым приветствием, но что-то ей буркнул такое, что она, эффектно улыгнувшись, сказала: «Ну, батюшка, не исправим, хоть брось»»* (Н.С. Лесков. Некуда) [13]. Исходная цитата: *«А ты, мой батюшка, не исцелим, хоть брось»* (А.С. Грибоедов. Горе от ума) [13]. В данном контексте интертекстовая единица указывает на шутивную оценку человека, нежелающего «изменять мнение, приспосабливаться к новым обстоятельствам, требованиям времени» [10, с. 15]. Включение интертекстовой единицы сопровождается заменой одного из лексических компонентов исходного текста: *«неисцелим» — «неисправим»*.

Интертекстовая единица может выступать в качестве языкового средства, создающего комический эффект в тексте: *«Единоверное нам крестьянское население, как слышит пыхтенье наших веселых тульских толстопузиков [самоваров — М.Л.] и расстилающийся от них дым отечества,— сразу поймет, кто здесь настоящие хозяева»* (Н.С. Лесков. Русский демократ в Польше) [6, с. 168]. Исходная цитата: *«Когда ж постраниствуешь, воротись домой, / И дым Отечества нам сладок и приятен!»* (Грибоедов А.С. Горе от ума) [13]. За интертекстовой единицей стоит устойчивое значение, то есть «интертекстовый стереотип» [16, с. 41]: «дым отечества» — «о любви к родине, Отечеству». В новом тексте цитата получает совсем иные смысловые значения, чем в тексте-первоисточнике. Лесков использует цитату в шутивно-ироническом контексте: «о дыме», «чаде, из самовара». Несовпадение исходного смыслового значения цитаты, «интертекстового стереотипа», и переосмысление цитаты в новом контексте, всё это служит созданию комического, приводит к словесной игре с образом.

Реальная или вымышленная ситуация также может стать толчком (мотивирующей базой) для перехода цитаты из претекста в новый текст, где она трансформируется в интертекстовую единицу. Под мотивирующей

базой понимается любая ситуация, сюжет, мотив, исторический контекст, послужившие толчком для перехода цитаты из претекста в новый текст. Так, цитата из басни А. И. Крылова «Демьянова уха», которая посвящена неумеренности в чем-либо, появляется у Лескова в сюжете о том, как немец объедается блинами и умирает. Содержание басни таково: сосед Фока, не в силах снести гостеприимства соседа, спасается, *«схватя в охапку кушак и шапку, скорей без памяти домой»* [13]. Цитата *«схватя в охапку кушак да шапку»* обозначает 'реакцию на навязывание чего-л' [11, с. 497]. Замена деепричастия на инфинитив при трансформации интертекстовой единицы не приводит к разрушению исходной цитатной единицы. *«А свидетели сидели, смотрели да подогревали его азарт и приводили дело в такое положение, что Пекторалису давно лучше бы схватить в охапку кушак да шапку; но он, видно, не знал, что «бежка не хвалят, а с ним хорошо». Он все ел и ел до тех пор, пока вдруг сунулся вниз под стол и захрапел»* (Н. С. Лесков. Железная воля) [13].

За счет включения интертекстовой единицы в текст-реципиент происходит расширение интертекстового пространства, автор выводит читателя за пределы собственного текста, отсылая к биографии известного баснописца (пусть даже вымышленной), то есть интертекстовая единица отсылает читателя не просто к сюжету из претекста, но к ситуации, которая якобы произошла с автором басни «Демьянова уха». Интертекстовая единица, оставаясь продолжением предыдущего текста, проходит смысловую адаптацию, переосмысливается, а в интертекстовую динамику втягиваются новые смыслы, связанные с фактами из биографии самого Крылова. По сюжету немец скончался от переизбытка блинами, эта же причина смерти указывается во многих биографиях Крылова. И хотя это не более чем миф, на протяжении долгого времени считалось, что Иван Андреевич Крылов умер в доходном доме Блинова от того, что объелся блинами. В романе «На ножах» Лесков даже обыгрывает говорящую фамилию владельца доходного дома: *«Крылов один раз нарочно нанял себе квартиру в доме, хозяин которого назывался Блинов. Ивану Андреевичу очень понравился звук этой фамилии, и он решил, что это непременно очень добрый человек. <...> А вышло, что это был большой сутяга и плут»* (Н. С. Лесков. На ножах) [13].

В цитирующем тексте у цитаты могут установиться новые семантические и смысловые связи, при этом не задействуется смысловое (концептуальное) содержание претекста, послужившего источником цитаты. Так, в романе «На ножах» интертекстовая единица *«мор зверей»*, представленная в эксплицитной форме (на что указывают кавычки), без труда поддается опознанию и выделению. «Мор зверей» — название известной бас-

ни И. А. Крылова, в которой звери признают вола самым большим грешником и приносят его в жертву, чтобы умиловать богов. Ср.: *«Лютейший бич небес, природы ужас — мор / Свирепствует в лесах»*. Лев призывает зверей к покаянию: *«По множеству грехов / Подпали мы под сильный гнев богов, / Так тот из нас, кто всех виновен боле, / Пускай по доброй воле / Отдаст себя на жертву им!»*. Виноватым оказывается Вол, который признается: *«Из стога у попа я клочок сенца стянул»* (И. А. Крылов. Мор зверей) [13].

Цитата *«мор зверей»* появляется в речи одного из персонажей романа, майора Форова: *«...у нас ничего: произошел небольшой «МОР ЗВЕРЕЙ», но еще довольно скотов сохраняются вживе. <...> господин и госпожа Ропишины вам кланяются: они ещё не издохли и даже не собираются»* (Н. С. Лесков. На ножах) [13]. Возникают контекстные антонимы: звери — скоты (скоты противопоставляются невинным зверям), а также появляется грубо-просторечный глагол, близкий по семантике к цитате. Интертекстовое включение создает своеобразный речевой портрет майора Форова, прототипом которого послужил писатель С. И. Турбин, талант которого высоко ценил Лесков.

Ещё один пример, когда интертекстовое включение не соотносится с содержательной доминантой претекста, но функционирует, как характеристика жизненной ситуации, события: *«Это ад! Боже мой! То есть настоящий ад в доме сделался»* (Н. С. Лесков. Грабеж) [13]. Перед нами трансформированная цитата из басни Крылова «Волк на псарне»: *«в минуту псарня стала адом»* — «нестерпимый страшный шум, мучение душевное (как предполагается в аду), злоба» [11, с. 49].

Интертекстовое включение может быть актуализировано историческим контекстом, который становится мотивирующей базой для перехода претекста в цитируемый текст, где происходит дальнейшая трансформация цитаты. Поэтому при анализе интертекстовых единиц в составе цитирующего текста необходимо учитывать не только содержательную доминанту цитируемого произведения, но и его исторический контекст (основу), как например, в случае с цитатой из басни И. А. Крылова «Крестьянин и Змея»: *«Да, кажется, голубушка моя, / И потому с тобой мне не ужиться, / Что лучшая Змея, / по мне, ни к черту не годится»* [13] — «об отношении Крылова к воспитателям-иностранцам» [11, с. 266]. Басня Крылова «Крестьянин и Змея» имеет историческую почву: она связана с последствиями Отечественной войны 1812 года. Басня была напечатана в «Сыне отечества», в 1813 г. В одной из своих статей, напечатанных в 20 номере «Сына отечества», И. А. Крылов выступал против приглашения иностранных воспитателей в дворянские семьи и резко осуждал «родителей...

пекущихся о том только, чтобы дети их болтали по-французски». По мнению писателя, такие «отцы и матери, отрекаясь от священной обязанности своей, от должного присмотра за своими детьми, слепо их передают в руки иноплеменных» [3, с. 326].

В рассказе Лескова «Дух госпожи Жанлис» неоднократно повторяется цитата «и лучшая из змей есть всё-таки змея», которую традиционно считают неточной цитатой из басни Крылова «Крестьянин и Змея»: «лучшая змея, по мне, ни к черту не годится» [13]. Хотя некоторые исследователи возводят её к басне Эзопа, приводя в качестве доказательства запись, сделанную Лесковым на полях личного экземпляра с баснями Эзопа, хранящимися в мемориальной библиотеке в г. Орле: «Испорченного нравственно не привяжешь к себе даже самым ласковым образом» [9, с. 391]. У нас нет сомнений, что Лесков цитирует именно басню Крылова, а не Эзопа, поскольку идеи басни соотносятся с основными идеями, представленными в рассказе «Дух госпожи Жанлис».

Одна из лесковских героинь утверждает, что мистическим образом получает советы через книги модной в то время французской писательницы мадам де Жанлис. Отметим, что увлечение произведениями мадам де Жанлис в то время довольно часто пародировались. В одном из разговоров в очередной раз упоминается имя писательницы, культ которой исповедует княгиня: «... незадолго до часа полночи у нас зашёл обычный разговор, в котором опять упомянуто было имя 2-жи Жанлис, а дипломат припомнил свое замечание, что «и лучшая из змей есть всё-таки змея»... Княгиня не вытерпела и, взглянув по направлению к портрету Жанлис, сказала: — Какая же она змея!» (Н.С. Лесков. Дух госпожи Жанлис) [8, с. 88]. Н.С. Лесков высмеивает увлечение дам нравоучительными советами мадам Жанлис, но при этом не говорит ничего дурного о мадам Дюдефан как об авторе: «Маленькие томики прекрасно сделанного в Париже издания этой умной писательницы, скромно и изящно переплетенные в голубой сафьян, всегда помещались на красивой стенной этажерке, висевшей над большим креслом, которое было любимым местом княгини» (Н.С. Лесков. Дух госпожи Жанлис) [8, с. 80]. Рассказчик с иронией описывает момент, когда молодая княжна по просьбе матери наугад начинает читать фрагмент из воспоминаний мадам Жанлис, в силу своей наивности не догадываясь, о какой «гадкой шутке» идет речь в воспоминаниях графини: «<...> княжна, с этой именно невинностью, прелестно грассируя, прочитала интересные воспоминания Genlis о старости madame Dudeffand, когда она «слаба глазами стала»». (Н.С. Лесков. Дух госпожи Жанлис) [8, с. 89]. Исходная цитата — «Мартышка к старости слаба глазами стала» (И.А. Крылов. Мар-

тышка и очки) [13]. В данном фрагменте имеет место прямое цитирование, когда интертекстовая единица маркируется в новом тексте кавычками, и актуализируется собственно прямое значение единицы: 'о проблемах со зрением' [11, с. 272]. Мадам Дюдефан, действительно, в старости ослепла.

Предлагая свою интерпретацию произошедшего, рассказчик показывает, насколько опасно увлечение такой литературой и к каким последствиям оно может привести: «...мое мнение, что «и лучшая из змей есть всё-таки змея» и притом, чем змея лучше, тем она опаснее, потому что держит свой яд в хвосте» (Н.С. Лесков. Дух госпожи Жанлис) [8, с. 92]. В этом фрагменте происходит расширение интертекстового пространства за счет контаминирования и обыгрывания интертекстовой единицы и поговорки: «лучшая из змей» и «яд в хвосте». «Яд в хвосте» трансформированная поговорка оборота «Яд в конце» Книжн. О неожиданном, едком или неприятном конце рассказа. Оборот восходит к римской поговорке In cauda venenum, характеризовавшей такие письма или речи, начало которых было без желчи и злобы, а конец — злым и ядовитым. [1, с. 815]. Именно таким и оказался рассказ, который наугад прочитала дочь княгини. Таким образом, в рассказе «Дух госпожи Жанлис» интертекстовая единица не просто разрушает мистические теории о духах, в повествование включаются педагогические и литературные воззрения самого Лескова, касающиеся вопросов воспитания молодого поколения.

Цитата в трансформированном виде неоднократно появляется, например, как шутливая оценка всех литераторов, выступая в данном случае лишь как средство выражения оценочно-иронического отношения автора к описываемым событиям, персонажам и ситуациям: «Я пользовался его [влиятельного дипломата — М.Л.] расположением, хотя не знаю, за что. В сущности, я обязан думать, что он считал меня не лучше других, а в его глазах «литераторы» были все «одного корня». Шутя он говорил: «и лучшая из змей есть все-таки змея» (Н.С. Лесков. Дух госпожи Жанлис) [8, с. 88].

Итак, анализ интертекстовых единиц показал, что Лесков был хорошо знаком с творчеством И.А. Крылова, знал историческую основу басен, связывал их с конкретными ситуациями и событиями, поэтому такое большое количество цитат у Лескова именно из басен И.А. Крылова. В эпоху Лескова эти единицы уже стали крылатыми, они воспринимались и использовались современниками И.А. Крылова как устоявшиеся пословицы и поговорки.

Осмысление и анализ «внедрения» «чужих слов» в тексты Н.С. Лескова позволило выйти за смысловые

рамки анализируемого текста, а также глубже осмыслить концептуальное содержание произведения. Деривационной базой, толчком для движения интертекстовой единицы из претекста в новый текст могут быть содержательная доминанта произведения и исторический контекст, в рамках которого было создано произведение, а также биография автора цитируемого произведения. Как показал анализ, за интертекстовой единицей может стоять интертекстовый стереотип — устоявшееся значение, сформированное в тексте-первоисточнике. Новый смысл, который получает интертекстовая единица в ле-

сковском тексте, не всегда совпадает с интертекстовым стереотипом, за счет чего возникает комический эффект. Интертекстовые включения в цитирующем тексте Лескова выполняют различные функции: это может быть стилиобразующая функция (создание лирической и иронической экспрессии текста); характеризующая (как средство характеристики персонажа, создания его речевого портрета); оценочная, когда интертекстовые единицы эксплицируют позицию самого Лескова-писателя (как в рассказе «Дух госпожи Жанлис»), выражают авторское отношение к ситуациям, событиям, персонажам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В.М. Мокиенко. СПб., СПб. ун-т — Фолио пресс, 1999.
2. Красных В.В. Лингвокогнитивная природа феномена воспроизводимости в свете психолингвокультуры // Мир русского слова. 2014 № 2. С. 9–16.
3. Крылов И. А. Полное собрание сочинений в трех томах / Том 3. — Москва, Гослитиздат, 1945. — 452 с.
4. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 272 с.
5. Кузьмицкая Е. В. Прецедентные феномены в творчестве М. А. Кузьмина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2006. — 18 с.
6. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений Н. С. Лескова. Изд-е третье. Т. 3. — Санкт-Петербург. Издание А. Ф. Маркса. 1902 г. — 176 с.
7. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 11. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 800 с.
8. Лесков Н. С. Собрание сочинений. В 11-ти т. Т. 7 / Под общ. ред. В. Г. Базанова и др. / [Всупит. ст. П. П. Громова, Б. М. Эйхенбаума]. — М.: Гослитиздат (Ленинградское отд-ние), 1958. — 570 с.
9. Макаревич О. В. Репрезентация готической повести в художественном сознании Н. С. Лескова (на примере цикла «Святочные рассказы» 1886 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2011, № 6 (2), с. 389–393.
10. Мокиенко В.М., Семенец О. П., Сидоренко К. П. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова. Горе от ума. — М., Изд-во: ОлмаМедиаГрупп, 2009. — 800 с.
11. Мокиенко В.М., Сидоренко К. П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник / под общ. ред. К. П. Сидоренко. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб.: Свое издательство, 2013. — 682 с.
12. Н.А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем в 15-ти томах. Том 1. Л.: «Наука», 1981. — 719 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/>. — Дата доступа 07.11.2019
14. Сидоренко К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова: Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. — 253 с.
15. Сидоренко К. П. К типологии интертекстовых ономастических структур // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. Материалы Междунар. науч.-метод. конф., 26–28 февраля 2001 г. / Редкол.: В. Д. Черняк (отв. ред.) и др. — СПб.: Изд-во «Союз», 2001. — С. 295–300.
16. Сидоренко К. П. О концепции словаря интертекстовых единиц из басен И. А. Крылова // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 40–63.
17. Фокина М. А. Интертекстуальная деривация крылатых выражений в литературно-художественном дискурсе // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 315–322.

© Ляпидовская Марина Евгеньевна (neforis@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»